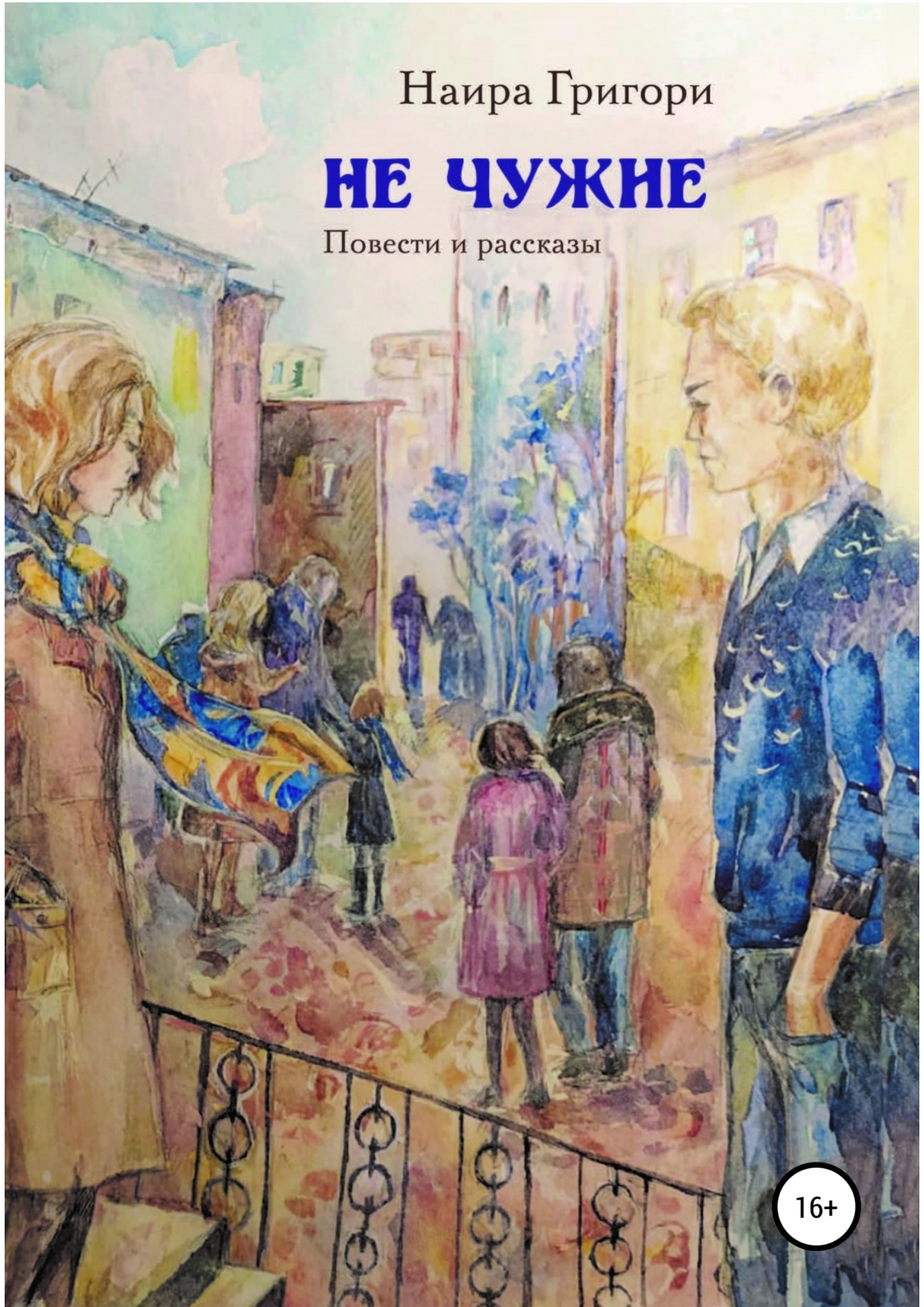

Наира Григори

НЕ ЧУЖНЕ

Повести и рассказы

16+

Наира Григори

Не чужие

«Автор»

2021

Григори Н.

Не чужие / Н. Григори — «Автор», 2021

Издательство "Четыре" представляет сборник прозы Наиры Григори. Он заставляет задуматься о многом. Это жизненные, увлекательные, не лишённые юмора картины нашего времени. Истории, удивительные в своей простоте, но полные тонкого психологизма, трогают до глубины души. Сюжеты книги связаны с человеческим одиночеством и недопониманием, душевными метаниями и упорным поиском себя. Здесь и мелкие, случайные неудачи, и серьёзные проблемы, берущие начало в детстве и юности. И, конечно, любовь – то взаимная, то неразделённая... Несмотря на то, что в некоторых рассказах сквозит печаль, они не оставляют в душе горького осадка. А потому книга наверняка приведёт читателя в хорошее расположение духа и станет не только прекрасным способом скоротать вечер, но и поводом поразмыслить на вечные темы...

© Григори Н., 2021

© Автор, 2021

Наира Григори Не чужие

*Посвящается моему деду –
Григору Саакянцу.*

Об авторе

*Наира Григорі (Хачатрян) родилась в Ереване – столице Армении.
Окончила медицинский институт, параллельно училась на режиссерских курсах при
киностудии им. Амо Бекназаряна.
Писала и печаталась на армянском языке.
В 1994 году переехала в Москву, где продолжала работать врачом.*

НЕ ЧУЖИЕ

К семидесяти годам соседки Вера Никитична Агафонова и Надежда Матвеевна Самойлова остались одни. Мужья умерли, дети разъехались.

Всю жизнь жили в одном доме, в одном подъезде, но близко не общались. Дело в том, что Самойлова была из «интеллигентных», работала в НИИ, а Никитична – то в магазине, то в поликлинике, то в ДЭЗе.

А тут прибились друг к другу, как будто всю жизнь вместе прожили.

Хотя так и было: хоть не вместе, да рядом. Прежних соседей почти не осталось. Лица все незнакомые. Район престижный, поэтому новые жильцы важные, как на подбор: спесь так и стекает с гладко выбритых лиц. Жены ухоженные, на иномарках. Детей мало. Не то что пообщаться – поздороваться не с кем.

И вот однажды пригласила Матвеевна соседку за скромный стол – по случаю годовщины смерти мужа. А после так и повелось – то одна в гости позовет, то другая. Хотя до сих пор за глаза критиковали друг друга. Никитична называла Матвеевну *финтифлюшницей* (за церемонность), а та о Никитичне говорила досадливо: «Простая, как три копейки».

А потом выработали один режим на двоих. С утра в магазин вдвоем – когда скидки. Там и решали, что будет на ужин. Причем, если ужин был у Никитичны, то Матвеевна обязательно покупала что-нибудь к столу от себя. Это раздражало Никитичну: казалось, что «финтифлюшница» выпендривается – пользы на десять копеек, а ей приходится соответствовать.

Но зато она отыгрывалась в дачный сезон. На маленьком участке, который ей достался от второго мужа, Никитична успела построить домик-временку и посадить плодовые деревья. С ранней весны она хлопотала над саженцами и собирала потом неплохой урожай.

Всё лето таскала с собой подругу «на дачу», но работала там одна. Изнеженная Матвеевна ничего делать не умела. Правда, прибирала в домике и готовила. Иногда сажала цветы, но без успеха – рука у нее была «не зеленая» – ничего не приживалось и не росло. Осенью помогала закатывать банки. Она больше по вареньям была мастерица, а Никитична – по соленьям.

После сборки урожая Никитична чувствовала себя кормилицей и насильно отдавала половину банок товарке.

Так и жили. С утра отправлялись в магазин, после обеда – на прогулку, а вечером вместе ужинали и смотрели сериал. Концерты смотрели врозь: вкусы разные. Никитична – День милиции по Первому каналу, Матвеевна – классику на «Культуре».

Сын Никитичны жил в Москве, на другом конце города. Иногда навещал ее. Чаще всего один. Когда с ним приезжала невестка или внучка-студентка, Никитична расстраивалась. «Сидит и рыскает глазами по всем углам – что выбросит, что оставит, какой ремонт сделает после меня», – это про невестку. А про внучку: «Копия матери! Ей не я нужна, а квадратные метры. Спит и видит, когда вечеринки тут будет закатывать».

После таких семейных визитов соседка плохо спала, жаловалась на давление. Хотя сына любила до дрожи и откладывала часть невеликой пенсии на похороны, чтобы не побеспокоить его своей смертью.

Сын же Матвеевны, умница и красавец, еще в лихие 90-е уехал в Америку и остался там. Сначала обустроивался несколько лет, потом женился. После вызвал мать. Матвеевна побыла месяц и вернулась обратно.

– Чужая я там, понимаешь? – делилась она с подругой, – Славик весь день на работе, а мне делать нечего. Английский я не знаю, общаться не с кем. Нет, невестка замечательная. Со мной как с королевой. Всё делает сама, помощи от меня не ждет. Старается, русский учит. Но вот если бы была из наших, да еще внуков бы мне подкинула, я бы не возвращалась. А так... плохо мне там, скучно...

На исходе пятого года совместного сосуществования, Матвеевна как-то не пришла на ужин. Никитична, разволновавшись, побежала наверх.

Матвеевна лежала на пороге без сознания. Хорошо, что дверь была открыта – видимо, инсульт с ней случился, когда она открыла дверь, чтобы пойти к соседке. Иначе произошло бы непоправимое: пока выломали дверь, помочь уже не смогли бы.

Пока лежала в больнице, Никитична от нее не отходила. Отлучалась лишь что-нибудь приготовить да помыться.

Потом начались долгие месяцы реабилитации. Приехал Славик, нашел матери невропатолога, сиделку, специалиста по лечебной физкультуре и логопеда.

От сиделки дружно отказались. Никитична даже обиделась, когда сын соседки предложил ей деньги. «Ты, главное, врачей оплачивай, а я что – чужая, что ли?»

Матвеевна старалась изо всех сил, но выздоравливала плохо. И характер у нее испортился. Иногда, намаевшись с ней целый день, Никитична возвращалась домой, обливаясь горькими слезами. Грозил в темноту кулаком: «Вот позвоню Славке, пускай сиделку ищет! Мочи моей больше нет с тобой!»

Но утром опять обреченно шла к подруге, как на работу.

Матвеевна и сама чувствовала, что своими капризами перегибает палку, однако ничего сделать не могла, а только гладила ладонь подруги здоровой рукой да плакала одним глазом.

Новый год встретили вместе, хоть Матвеевна и уговаривала соседку поехать к сыну. «Ой, кому я там нужна, Матвейна!» – отмахнулась та и занялась новогодним угощением.

Матвеевна впервые встала и села за стол. Правда, ненадолго, но это был настоящий подарок.

К весне, как начался дачный сезон, Матвеевна была уже на ногах. Это был второй – царский! – подарок, потому как всю зиму Никитична горевала, что не сможет ездить на дачу из-за соседки.

Сначала ездила одна, потом и подругу заставила. Правда, толку от нее уже не было никакого. Матвеевна быстро уставала и двигалась, как черепаха. И сказать по правде, очень раздражала своей шаркающей походкой. А ужинать с ней уже было не в состоянии, потому как полужина у нее вываливалось из парализованного угла рта.

Но Никитична терпела: как-никак почти родной человек.

Через год Славик приехал из Штатов с твердым намерением увезти мать.

Никитична помогала соседке собираться. Месяц минул как в лихорадке, а как подошло время, Матвеевна не выдержала – разрыдалась: «Как же я без тебя, занозы?..»

Слава уехал один, взяв с матери обещание, что к Новому году приедет сама.

Через месяц Никитична поехала на дачу за последним урожаем и не вернулась.

Искали ее недолго. Упала на платформе и умерла мгновенно, от обширного инфаркта. Оказалось, что сердце у нее было больное. А тут перетрудилась, давление подскочило, да и волнений было много...

Матвеевна пережила подругу на день. Через три часа после того, как ей сообщили горестное известие, легла спать и не проснулась.

Ну не оставлять же Никитичну одну – не чужие, поди...

РЕКА ВРЕМЕНИ

Старая Србуи стоит у витой кованой решетки и провожает глазами проезжающие машины.

Автомобили теперь сплошь большие, черные, стекла затонированы – и не разберешь, кто там сидит. А дорога стала узкая. Двум таким машинам не разъехаться.

А раньше дорога была хоть и грунтовая, но широкая. И район был окраинный, весь покрытый садами. А сейчас стал престижным: старые дома скупают и строят вместо них новые, большие. И каждый норовит часть дороги урвать, подальше свой забор поставить. Вот и стала дорога узкой.

И садов теперь не видно – одни стены да ограды. Понастроили домища, накупили машины огромные, и прячутся в них – ни поздороваться, ни словечком с соседями перекинуться. Удивительно: чем мельче человек – тем больше ему места надо занять...

«А вот мой Григор, – думает Србуи, – большой был человек. И душой, и сердцем. Но такой неприхотливый! Когда только вернулись в родные края, и выдали нам клочок этой каменистой земли на спуске в ущелье, радовался как ребенок!»

Встретили репатриантов, правда, не так уж и приветливо. Тогда во всех шпионов видели. Но не сослали – и на том спасибо. Григор был не простой работяга, а строитель с образованием. Хотя все тогда были непростые: и врачи, и архитекторы, и инженеры – всех ссылали. А их не тронули. Видимо, строители были нужны больше, чем врачи.

А потом, на этой скудной земле, муж построил их первый домишко с земляным полом. Там и родился их первенец – Армен. Как они были счастливы... А какой был мальчик – крепенький, смысленный! Все ему давалось легко – и языки, и математика. И что за красавец! Девочки вокруг сбивались в стайки и жужжали: Армен, Армен!

Всю жизнь Григор строил свой дом. Сначала вырыл маран, потом поставил крепкий дощатый пол и устроил светлую комнату, которая позже стала гостиной, выходящей окнами в ущелье. А за окнами разбил сад. Затем пристроил кухню и две спальни. А еще позже соорудил перед гостиной и кухней большую веранду. Если сидеть там за столом, то видно узкую змейку реки на дне ущелья. Сколько раз они ловили на веранде скорпионов! Но, слава богу, обошлось, никто не пострадал.

А сколько застолий помнила эта веранда, увитая виноградом! Правда, больше печальных. Потому что следом за Арменом она родила и потеряла двоих сыновей. А последнего не донесла, выкинула на позднем сроке.

Странно все устроено в жизни... Пока были бедные и, можно сказать, бездомные – все было хорошо. А как устроились... эх. Думали: всё, больше детей не будет. Да и возраст был уже немаленький.

И тут родилась Эрминэ. Маленькая, слабая. Не хотела Србуи к ней привязываться: боялась, что не вынесет очередной потери. Для ребенка всё делала механически. Даже от груди хотела отлучить...

Но Армен не дал. Он сразу полюбил сестренку какой-то звериной, яростной любовью. Стал ей защитником на всю жизнь. Обвинял мать, что та недостаточно ее любит. А Эрминэ глядела на мир черными печальными глазами, как будто прощаясь с ним каждый день.

Но все же девчущку выходили, вырастили. Армен возил ее заниматься плаванием, говоря, что спорт ей необходим. Учился он играючи, не прилагая усилий, и все свободное время уделял Эрминэ – старался всячески развивать сестру.

А у Србуи сердце словно окаменело. По-прежнему готовила, убирала, заботилась, но... без любви, а просто потому, что надо.

Григор дочку тоже обожал. «Мой дар» – называл ее. Хотя та и училась хуже, чем действительно одаренный брат, и болела чаще. Да и красотой не блистала, откровенно говоря. Глаза большие, чернющие, будто маслины, и бездонные – никогда не поймешь, что у нее на уме. Руки-ноги тонкие, как спички, бледные, безвольные. Потом уже, когда брат отдал ее в спорт, стала крепенькой, стройной. Не красавица, но с изюминкой.

А замуж не вышла. Поди пойми, что у девчонки на уме. Может, несчастная любовь какая – кто ее знает... Хоть и любила брата, но даже с ним не делилась. Только взгляд становился печальней, чем обычно.

А Григор все трудился, трудился... строил, строил свой дом. Вкус у него был отменный. Из любой ерунды мог, как говорят, «конфетку» сделать. И ставни необычные навесить, и стулья украсить, и стол старый облицевать – не налюбуеться.

А уж как непряхотлив был! Проголодался – мог краюшку хлеба посолить и съесть. Ни тебе пахлавы, ни разносолов с родины (с *бывшей* родины) – ничего не требовал. С обильных застолий убегал...

Всем помогал, но никого не пускал к себе в душу. Только ее, Србуи. «Ты моя святая¹!» – говорил он, поглаживая ее каштановые, а потом седые волосы.

Думала, так у всех. Однако, как не стало мужа, оглянулась – оказалось, он единственный был такой. Сам был святым человеком. Ни разу не нагрузил жену неприятностями, но всегда тащил груз ее скорби.

К этому времени Армен уже два года как уехал. На заработки. Тяжелое было время. А как отца не стало, и Эрминэ уехала к брату. Србуи сама ее вытолкнула – подальше от горя. И – слегла. Если бы не соседка, так и умерла бы вслед за мужем. Но та не дала, выходила. Спрашивается – зачем?.. Кому она нужна теперь: без Григора, без детей?..

А потом приехал Армен. Бранил, что не вызвала раньше.

Оказалось, пока Србуи лежала в беспмятстве, нижний сосед, которому всю жизнь помогали, чем могли, оттяпал кусок земли и оформил на себя. Когда узнали, было уже поздно. Вырубил деревья, посаженные Григором, и поставил забор.

Армен успокаивал мать как мог. Купил соседний дом и обещал, что разобьет вокруг сад. Только зачем ей новый сад, если, сидя на веранде, видишь не змейку реки в ущелье и сады, а глухую стену?

Потом Армен женился – на русской. Хорошо, что отец этого не увидел... Привозил невесту знакомиться. Красавица, конечно, слов нет. Но пустышка. Кроме внешности Бог ничего не дал: ни ума, ни глубины. Ни поговорить с мужем, ни позаботиться... Зачем? На это есть Эрмиша! А она создана, чтобы платья и драгоценности носить да красоту свою лелеять.

Еле уговорил ее сын двоих детей родить. Старший лицом пошел в мать, а глубиной в деда. Хороший мальчик... Александром назвали. У Србуи брат был старший, Алексан, от турецкого ятагана погиб в младенчестве. Она его не видела. «Будем считать, что в честь него», – вздыхала. А девочка темненькая, кокетливая растет, как мать. Чужих не признает. От Эрмиши ни на шаг!

Да... Если бы не Эрминэ, развалилась бы семья. А так – и хозяйка, и нянька, и психолог, и повариха. Вся, без остатка, отдалась семье брата. Вынянчила, воспитала племянников. А брату еще и секретарь. Невестка же – «только для украшения быта», как шутит Армен.

Раз в год приезжает к матери Эрминэ. Уговаривает переехать к ним. Но Србуи не отступает. Не уеду – и всё. Здесь могилы Григора и мальчиков. Куда она от них?..

А несколько лет назад Армен нанял строительную фирму, и возвели ей дом. Такой же огромный, как соседские. И ограду поставили эту витую. А маленький дворик весь вымощен дорогим камнем.

Ни веранды теперь, ни кухоньки любимой. Всё новое – техника, мебель. Всё светлое, неживое. Ковры роскошные, люстры. И Србуи при всем этом, словно сторож. Боится на диван присесть, плиту включить.

Соседи – кто умер, кто продал дом с участком новым богатеям. Никто никого не знает. А нижний сосед открыл ресторан. Теперь и в тишине не посидишь – по вечерам музыка залихватская: тюркская, арабская, блатная. Где наши песни?.. Грустные, мелодичные?..

Вот и сидит Србуи вечерами в маленьком дворике за витой оградой. Поглаживает руки с выступающими змейками синих вен и пигментными островками да провожает глазами машины.

Кто они? Кто эти люди? И что я здесь делаю, Господи?..

¹ Србуи в переводе с арм. – святая.

РЫБА

Годы, прошедшие после института, высушили Оксану, превратив в подобие классической старой девы: невысокий рост, почти болезненная худоба, ранние морщины на лице, желтоватая «пергаментная» кожа и жирная, неуместно-яркая красная помада. Все это дополнялось жеманством, выдаваемым за естественность и обаяние.

«В общем, скучно», – думала Ляля, лениво прихлебывая кофе.

Говорить было почти и не о чем, но встреча старых подруг (а на самом деле просто однокурсниц) обязывала. Все дежурные вопросы были заданы, темы исчерпаны, новости и сплетни озвучены.

– А давай коньячку! – с искусственным оживлением вскрикнула Ляля и, не дожидаясь согласия, подозвала официантку.

После коньяка беседа потекла легче. Перешли на личное. Ляля, счастливая супруга и мама двух девочек, слушала безрадостный рассказ Оксаны о профессиональных успехах, которые ограничивались пределами одного офиса. Начала с принеси-подай, выбилась в мелкие начальницы.

– А романы у тебя были? – не удержалась Ляля от бестактного вопроса.

– Ну-у... – замялась собеседница, – поклонники, конечно, были. Но ты ведь знаешь мои моральные принципы.

«Мать твою за ногу! – подумала Ляля. – Моральные принципы! Да если бы Серёга, которому ты сохла, пальчиком тебя поманил, под каким кустом бы валялись твои моральные принципы?»

– А ребеночка не хочется?

– Без мужа?

– Моральные принципы? – с пониманием кивнула подруге Ляля.

– Да нет, не потому. Я думала об этом. Но ты же помнишь мою мать... С ребеночком она сидеть не будет. А не работать я не могу. Кто будет нас содержать?

– Может, тебе найти вдовца с ребенком?.. Слу-у-ушай, – посветлела лицом Ляля, – у мужа на работе есть оччень приличный мужчина. Александр. Симпатичный. У него жена умерла год назад. Оставила двоих детей. Дочка совсем взрослая, а мальчику года четыре, кажется. Надо вас познакомить!..

– Да ну тебя! Энтузиастка! – жеманно отмахнулась Оксана.

– Всё, решено! – Ляля твердо ударила ладонью по столу и одновременно кивком подозвала официантку. – Счет, пожалуйста! А ты жди звонка. Я всё устрою.

Наскоро распрощавшись, подруги расстались. Оксана – в предвкушении встречи с симпатичным Александром, а Ляля уже вся в делах и планах.

Усевшись за руль модной «японки», она тут же позвонила мужу:

– Масик, надо срочно пригласить к нам на ужин Александра. У меня есть кандидатура! Ну, кто-кто? Однокурсница моя! Почему старая?.. Я, что ли, старая? Получишь у меня! – прожурчала Ляля со счастливым смешком. – Короче, договорись с ним на субботу. Я девочек отправлю к маме и приготовлю зашибенный ужин. купишь хорошее вино, и дело в шляпе. Ну... не красавица, конечно, но фигура хорошая. Ни грамма лишнего веса. Не то что... Ой, спасибо, масик, ты же знаешь, у меня комплексы. Всё, целую, до связи!

До субботы оставалось два дня. И работа закипела: забрать девочек из школы, съездить в супермаркет, вечером приготовить ужин, покормить детей, сделать с ними уроки, искупать, уложить... встретить мужа, покормить, помыть посуду... Назавтра с утра на рынок, потом заново – покормить, сделать с детьми уроки, отвезти их к бабушке, убраться, приготовить... В субботу доготовить, привести себя в порядок, накрыть и, в ожидании гостей, выпить бокал *прошлонедельного* вина «для непосредственности общения».

Александр явился торжественный и немного потрепанный. Принес ординарный букет и бутылку «Маргини Асти». Без фантазий...

Кокетка Оксана прибыла для приличия с получасовым опозданием.

Вечер, в общем, удался. Еда была вкусная, вино отличное. Вспоминали студенческие годы, много смеялись. Александр ушел раньше, но взял номер телефона Оксаны. У Ляли заблестели глаза – получилось!

Через три дня позвонила Оксана, сообщив, что приглашение на свидание не заставило себя ждать. Голос у нее был счастливый. Выведывала подробности про жену, про детей. Ляля предварительно навела справки и всё ей рассказала.

– Масик... кажется, у нас получилось! – проворковала она вечером, прижавшись к мужу. – Как приятно сделать доброе дело!

Пару раз Оксана рассказывала по телефону, что Александр, не откладывая дело в долгий ящик, познакомил ее с детьми. Потом – затишье...

Долго-долго никаких новостей. Звонить было неудобно. Александр тоже молчал.

Через пару месяцев встретились с ним на офисном корпоративе, и Ляля, не удержавшись, спросила:

– Ну что? Как у вас с Оксаной дела?

– А никак. Нет никаких дел.

– То есть... вы не встреча-а-аетесь? – разочарованно протянула она.

– Ну почему же, пару раз встретились...

– И что не так?

– Понимаешь... она – рыба.

– В постели?

Александр рассмеялся:

– Нет, до этого не дошло.

– Может, русалка? – улыбнулась с надеждой в голосе Ляля.

– Нет, – твердо сказал Александр. – Рыба!

И отошел от нее.

РУТ

Погода с утра порадовала прохладой. Рут, не переносившая жары, решила прогуляться по набережной. Несколько утомительных дней в ожидании приезда Алекса... «Ничего, потерпим», – подумала она, тщательно наряжаясь перед большим зеркалом на дверце раздвижного шкафа.

Через полчаса вдруг выглянуло солнце, и привычно стали ныть ноги. Рут решила присесть в ближайшем прибрежном кафе и переждать солнце, внезапно выглянувшее из-за туч.

Сезон пока не начался, и в кафе сидела компания из местных мужчин, попивая пиво и заглядываясь на редких туристок в купальниках. У кромки моря играли дети. Вода еще не прогрелась, и когда волна накрывала их ноги, ребятишки с визгом и смехом бросались враспынную, а потом опять возвращались к своим игрушкам.

«Каникулы у Алекса начнутся через несколько дней, и если будет так же прохладно, то нужно придумать ему какое-нибудь занятие, чтобы не скучал», – подумала она.

Алекс... через пару лет ему уже будет скучно с бабкой. Мальчику захочется компании ровесников, барышень, и это нормально. Только вот что будет делать она?.. «Придется перенести наш совместный отдых на зиму», – подумала Рут и тут же скривилась: рождественские каникулы он проводит у деда.

Дед... Александр. В честь него и назвали внука. Она даже не могла определить, какое чувство испытывает, думая о нем сейчас. Было время, когда ей казалось, что любила.

Рут была красива. Очень. Родители хоть и небогаты, но дали ей хорошее образование. Одеваться девушка умела, и на те небольшие средства, которые ей выделялись, искусно и толково выбирала вещи, которые подчеркивали ее и без того незаурядную внешность. Любую тряпку она могла «обыграть» так, что казалось, что лучше ее и нет. В студенческие годы, стоило Рут показаться в каком-нибудь незатейливом платье, как оно тут же копировалось окружающими, отнюдь не бедными студентками.

Поклонников было море. Но они только раздражали девушку. Всегда немного замкнутая и отстраненная, она чуралась их настойчивого внимания, назойливого обожания, двусмысленных взглядов. Когда появился Александр, ей показалось, что он защитит ее от всего этого. Парень был интересен внешне, умён, старше Рут на семь лет. Тогда это казалось огромной разницей.

«Надо же, – подумала она, взглянув на компанию мужчин за соседним столиком. Всем им было за тридцать. – Сейчас они кажутся мне щенками, молодыми и глупыми. А тогда 28-летний Александр казался уже совсем взрослым, мудрым и опытным. А может, он таким и был?.. Может, он отличался от этих простых мужиков...»

Образованный, из очень достойной семьи. Играл на рояле почти так же хорошо, как и она, хотя был не музыкантом, а дипломатом. Молодым, многообещающим.

«Не знаю, что меня в нем зацепило. Может, комплекс девочки из небогатой семьи сыграл свою роль. А может, пришло время, и нужен был принц, который мог расколдовать принцессу – спящую, холодную? Он был нежным, опытным любовником... и казалось, что это и есть любовь...»

Рут вздохнула, поправила модные очки, закрывающие пол-лица, но лишь подчеркивающие по-прежнему изящный его овал.

Сейчас она чувствует к Александру только ревность. Пока были супругами, он мечтал о том, чтобы Рут ревновала его так же, как он ее. Наверное, ощущал что-то. Понимал, что ее чувство – не любовь. А сейчас она ревнует внука к нему.

Эта ревность – досадливая, угрюмая, тяжелая – накрывает ее всякий раз, когда Алекс с восхищением рассказывает, как здорово они с дедом проводят зимние каникулы. Александр приучил внука к горным лыжам, и теперь каждую зиму сердце Рут сжимается от мысли о том, что он там, в горах, может покалечиться или, не дай Бог, убится. И дикая, неуправляемая злоба поднимается из глубин ее сердца по отношению к человеку, с которым она прожила десять лет. Счастливых лет. И ни разу не побеспокоилась – останется он жив на очередной горной трассе или нет.

Десять лет и дочь-красавица. Все смело, как волной. Когда, наконец, пришла она – эта проклятая любовь. Зачем она нужна такая?.. Сколько бед, сколько страданий из-за нее... Как она сопротивлялась, когда хозяин бара-ресторана, в котором они часто собирались с друзьями (*его* друзьями! – подчеркнула она для себя), смотрел на нее, сверкая в ослепительной улыбке своими идеальными зубами.

Первое время только зубы его и видела. Боялась взглянуть пристальней. А когда взглянула – поняла, что пропала. Понимала, что не на нее одну парень производит такое впечатление, что все дамы млеют от него. Понимала, что молодой – на год младше Рут, записной сердцеед – не ее тема. Что нет ничего общего между их мирами.

Но как только он приближался, дыхание перехватывало, и сердце начинало выпрыгивать из груди. Ей казалось, что все вокруг замечают ее состояние. И от этой мысли Рут покрывалась душным румянцем. Сославшись на плохое самочувствие, уходила домой.

Она перестала ходить на встречи и вечеринки, но не перестала думать о нем. Постоянно, с упорством маньяка, воспроизводила в памяти его улыбку, насмешливый голос, небольшой шрам на подбородке, темно-зеленые глаза в обрамлении густых черных ресниц. Она стала еще более замкнутой и отстраненной, еще более нелюдимой.

Александр, которого за десять лет брака она так и не научилась называть уменьшительно-ласкательным именем, переживал. Отправлял ее к врачам, на курорты и в путешествия. Но Рут возвращалась еще более подавленной и отстраненной.

Все закончилось, когда она однажды, встретив Бо (как все называли хозяина бара) на улице, взяла его за руку и послушно пошла с ним...

Рут аккуратно промокнула слезу и решила отвлечься от тягостных мыслей. Кофе уже остыл, но солнце еще нещадно палило. Поэтому она заказала минералку с лимоном и огляделась.

Внимание мужчин за соседним столиком было поглощено девушкой в бикини. Как будто чувствуя их взгляды, она неспешно прогуливалась по пляжу, греясь на солнце и под взглядами случайных воздыхателей.

Рут презрительно скривила губы: «Деточка, тебе кажется, что ты красавица? Через пару дней от таких красавиц на пляже будет не протолкнуться. Так что наслаждайся вниманием, пока не стала *одной из*».

Какая у нее была фигура!.. Это сейчас ноги Рут покрыты сеткой отвратительных, извилистых, выступающих вен. А когда-то муж покупал ей мини и наслаждался ее успехом у окружающих мужчин.

Муж... Уже второй. Потому что, как только Рут поняла, что Бо любит ее так же, как и она, немедленно собрала вещи и ушла от Александра. Оказалось, Бо тоже искал ее. Узнавал от общих знакомых о ее поездках и однажды даже приехал на один из курортов, где Рут отдыхала, но уже не застал ее.

Боже, что это была за любовь!.. Любовь-боль, любовь-наслаждение, любовь-смерть и любовь-рождение. Кому нужно такое чувство, если ради него жертвуешь ребенком и мужем (от которого ничего, кроме добра, не видела)? Когда оказывается, что все друзья были не *ваши*, а *его*? Когда даже родители не могут простить тебя и принять твой выбор? Когда дремавшая до этого ревность поднимается темной волной и душит тебя всякий раз, когда взгляд любимого падает на другую женщину? Когда мысль о том, что если родится ребенок, то *его* любовь разделится между вами, и это невыносимо?..

Кому нужно это сумасшествие, длящееся годами? И только его присутствие, его рука, сжимающая твое плечо, приносят небольшое облегчение. И только его тело, его дыхание и даже запах – источники наслаждения – немислимого, мучительного и невыносимого... И только собственное тело становится единственной реальностью и единственным источником счастья...

Наваждение, длящееся пятнадцать лет. Пока однажды родная дочь, которая так и не простила матери, что та бросила их с отцом, не выкрикнула ей правду: мол, у ее горячо любимого Бо на стороне растет сын от другой женщины...

Солнце спряталось за тучей. Рут расплатилась с официантом и тяжело поднялась с пластикового кресла. «Нужно успеть дойти до дождя», – подумала она, с улыбкой взглянув на малышей, убежавших от большой тучи к родителям, подальше от моря.

«Дети...» – подумала она и горько улыбнулась.

ВОСЬМИМАРТОВСКОЕ

Вечер не удался. Она сидела в ресторане напротив чужого мужчины, невольно забившись в угол, куда, в ожидании небывалого количества посетителей, был втиснут дополнительный стол.

Ресторан действительно был полон. Столики стояли так густо, что их неуклюжий разговор то и дело сбивался из-за обрывков чужого веселья. Веселья тех, чей праздник удался.

Она с унынием думала о том, как долго и тщательно собиралась на эту встречу. Как пыталась скрыть то, что он не должен был видеть: слегка набрякшие веки, усталую линию овала расплывшего лица, ненужные складки на спине под тонким платьем, специально купленным для этой встречи.

Невпопад отвечая на вопросы, она вспоминала, как буквально летала месяц, получив от него весточку. Как по утрам затемно тащила в тренажерку, чтобы привести себя в порядок.

Как бегала к рекомендованной парикмахерше, отвалив четверть зарплаты на прическу с мудреным окрашиванием.

И все усилия ради этого мужика – неотесанного, чужого. Который даже дверь не открыл перед ней... Вместо этого уверенной походкой зашел в ресторан, чуть не придавив ее дверь. Бросил пальто гардеробщику и стоял со скучающим лицом, пока она, запыхавшись от бега за ним, раздевалась, путаясь в крючках редко носимой шубы. И даже руки не подал, чтобы взять эту шубу, которую она бережно передала гардеробщику.

Потом ей пришлось вынести несколько минут унижения, пока он, ругаясь с менеджером, вытребовал им место за маленьким столиком, втиснутым между углом и колонной.

Темы разговора быстро исчерпались. В принципе, они уже все рассказали друг другу в «Одноклассниках». Год назад, после развода, она пристрастилась к социальным сетям, выискивая знакомых и друзей из прошлой жизни. Увидев фотографию импозантного мужчины, она даже не сразу сообразила, кто это. И с трудом соотнесла образ толстого очкарика с мускулистым, уверенным в себе мужчиной на фоне достопримечательностей различных стран и континентов.

Как здорово было прийти после опостылевшей работы (в окружении таких же женщин среднего возраста с неинтересной жизнью) и читать его рассказы о путешествиях по разным странам!

Она не заметила, как «подсела» на них, и через некоторое время уже мечтала встретиться с ним лично. Услышать обо всех этих странах, попивая вино, убаюкиваемая его мягким низким голосом. «С чего я взяла, что он у него мягкий и низкий?» – думала она с раздражением, прислушиваясь к отрывистому баритону – колючему, с хрипотцой.

То ли вино быстро ударило в голову, то ли окружающий шум и гам раздражал, то ли мужчина, сидящий перед ней – с жестким, бесстрастным лицом, но ей вдруг стало душно. Захотелось выбежать на мороз, вдохнуть мартовский холодный воздух и прийти в себя.

Он почувствовал ее состояние и вызвал официанта, чтобы расплатиться.

Пока ждали, ей стало по-настоящему дурно. «Зачем, зачем я пришла сюда?.. На что я надеялась, старая, никчемная дурочка? На неземную любовь? Все кончилось. Остается доживать свою унылую жизнь и перестать надеяться на чудо. Завтра же удалю свою страницу из Одноклассников!» – думала она, поспешно одеваясь и не попадая крючками в петельки шубы.

Почти выбежав из ресторана, она вздохнула, успокоилась и, отвергнув жестом предложение довести ее до дома, твердым отстраненным голосом попросила посадить ее в такси.

Он проводил ее до машины, расплатился с водителем и, громко хлопнув дверью, отвернулся и пошел по набережной, забыв про припаркованную машину.

Не замечая ветра, он шел по набережной реки и колючий ветер бил в лицо, срывая слезы.

Столько лет! Столько лет он ждал ее! Стоял возле ЗАГСа, когда она, счастливая, в белом платье выходила замуж за другого. Встречался с одноклассниками, близкими и далекими друзьями-приятелями, чтобы узнать хоть что-нибудь о ней. Работал, добивался всего того, что сделает его достойным этой женщины. И ждал.

Ждал, когда она родила дочку. Ждал, когда она гуляла с коляской в парке. Ждал, когда она водила дочь в школу. Ее брак оказался неудачным. Она тускнела, старела, а он все ждал. И когда, наконец, ее никчемный муж отчалил, оставив ее с дочерью на произвол судьбы, он стал потихоньку создавать вокруг себя мир, в котором ей, возможно, будет интересно находиться. Чтобы приблизиться к ней...

Он так давно мечтал об этом, что кое-чего не учел.

Что при виде ее он опять, как много лет назад, потеряет дар речи. Что не сможет даже приблизиться к ней, чтобы взять ее шубу в гардеробе. Что всю свою неуверенность выльет на незадачливого менеджера ресторана, тут же поняв, что поставил спутницу в неудобное поло-

жение. Что не сможет за столом сказать те слова, которые отрепетировал до встречи. И это он, у которого было столько женщин: молодых, прекрасных, разных!..

Он понял, что все рухнуло, в момент, когда она стала задыхаться в его присутствии. Все остальное уже было грустным эпилогом долгожданного вечера.

Знал, что назавтра не найдет ее страницы в «Одноклассниках». И что он больше не найдет в себе сил снова создать мир, в котором ей захочется находиться...

ПУТЕШЕСТВИЕ

Она была и оставалась маленькой девочкой. Волосы, собранные пучком на голове, и узкие брючки контрастировали с сероватой, рано постаревшей кожей. Солидная специальность, женатый сын, и даже внуки не поколебали ее уверенности в том, что она по-прежнему девочка, и всё впереди.

Но что было впереди, она никак не могла сформулировать даже для себя.

Каждое утро, собираясь на работу, она по-прежнему собирала теперь уже седоватый «девичий» пучок, подводила стрелками глаза и слегка потяжелевшей, но такой же беспечной походкой направлялась на работу, где начинала свою карьеру и дослужилась до небольшой руководящей должности.

При этом даже от подчиненных она требовала называть ее по имени и на «ты». Молодежь поначалу стеснялась, но потом привыкала. Ребячливость никак не мешала ей прекрасно выполнять свою работу, а также быть заботливой женой и мамой. Внуков она воспринимала как побочный результат жизни – с небольшим недоумением: как же так, я – и бабушка?..

Старость нагрянула внезапно. Друг за другом, с разницей в несколько месяцев, умерли престарелые родители. И единственная избалованная дочка вдруг осознала, что никакая она не девочка, а самая что ни на есть бабушка, и осталась теперь на «передней линии».

И пучок закрутился раковинкой. И походка стала не задорной, а шаркающей. И вдруг оказалось, что очки, которые она отвергала с негодованием многие годы, стали необходимы. А панибратство молодых стало раздражать и вызывать недовольное брюзжание.

Контраст был настолько разительным, что знакомые не успели привыкнуть к переменам, произошедшим в ее характере... Жалость быстро сменилась усталостью от вечных придирок, а на работе стали поговаривать о ее выходе на пенсию.

Она и сама хотела покоя. Надоели даже стены учреждения, знакомые с молодости. Но что делать, если не ходить на работу?.. Сын вырос, у него своя семья, муж живет собственной незаметной жизнью (чаще на даче, которую она недолюбливает). Отношения с внуками ограничиваются подарками ко дню рождения и их вежливой благодарностью.

Она принялась интриговать и бороться за свое место. Некогда добродушная бессребреница, стала искать влиятельные знакомства, дабы остаться на месте.

И добилась своего. Осталась. Вечно недовольной, брюзжащей и интригующей старухой. Которую некогда любили за веселый нрав и бескорыстие, а сейчас начали презирать за высокомерие, интриги и придирчивость.

Ровесники уходили на пенсию, а она сидела и сидела в своем невысоком кресле мелкой начальницы, «гнобя» молодых. Работу свою, впрочем, по-прежнему выполняла безупречно. И часто не только свою, а еще и чужую, за которую она в общем-то по делу и критиковала. Но кого это интересовало? Грымза и есть грымза...

За последние двадцать лет ни разу не прогуляла и даже по болезни не отсутствовала. Всегда на месте и всегда раньше всех.

И поэтому, когда в один из дней она не явилась на работу, это восприняли как гром среди ясного неба. Позвонили домой: справиться о здоровье. Она взяла трубку и сказала, что отравилась, видимо.

Но это был инфаркт. Муж уехал на дачу. Сын – в командировке.

Она ощутила это как приключение...

Мама и папа рядом, а она, с неизменным хвостиком, задорной походкой, держась за их руки, ушла туда, где ее ждало будущее. Настоящее будущее.

ПЕРСИК

Звонящий августовский зной. Густой и вязкий, как мед, воздух наполнен жужжанием и стрекотом, шуршанием и пением. Скусающее солнце взирает сверху на небольшой винный заводик, облепленный домами и садами, и на ровные ряды виноградников поодаль.

Но вдруг райскую тишину этого места нарушает звук мотора, и на авансцену wpłyвает большой, белый туристский автобус. Он останавливается перед входом в здание винзавода, и спустя несколько минут из автобуса вываливается оживленная толпа туристов.

Туристы хоть и утомлены дорогой, но предвкушение дегустации и обеда, а также жара гонят их внутрь здания.

И через пару минут на улице остается лишь одна девочка-подросток. Она начинает медленно обходить здание и останавливается перед одним из домов по соседству.

Дом стар. Когда-то его строили любовно и тщательно – это видно. Но время, неумолимое и безжалостное, выглядывает из каждого облупленного, хотя и чисто вымытого окна.

И вдруг девочка замечает движение в саду, на уровне высокой травы. Подумав, что это собака, она бежит посмотреть на нее. Но вдруг резко останавливается.

В саду копошится старуха. Увидев девочку, она выпрямляется, и оказывается, что они одного роста: щуплая, слишком маленькая для своих ранних подростковых лет девочка в очках с диоптриями и старуха – черная от солнца, покрытая морщинами и такая же приземистая, как дом.

Они некоторое время молча стоят, изучая друг друга. Кажется, что старуха выросла из земли, на которой стоит. Кажется, что она была здесь и сто, и тысячу лет назад. И так же работала в саду. Вокруг строились и разрушались империи и государства. Возводились и уходили под землю дома, и храмы, и дороги, а она стояла здесь и изо дня в день, изо дня в день делала свою работу. Уже не зная для чего и для кого. Не понимая ни смысла, ни начала, ни конца этой жизни. Сажала, полола, собирала, убирала... и потом снова сажала, полола...

Не отрывая глаз, слившись дыханием, долго-долго стоят они друг перед другом. В этом взгляде вся история одиночества каждой из них.

На крыльцо винзавода вышла невысокая круглолицая женщина и окликнула девочку. Та вздрогнула и отвела взгляд. Мать подошла к ней и взяла за руку.

– Вы извините, она нездорова, – сказала женщина.

Старуха улыбнулась беззубо и протянула большой спелый персик. Девочка оглянулась на маму и, получив одобрителный кивок, сделала пару шагов к старухе. И вдруг обняла ее... Старуха прижала девочку к себе и погладила ей волосы. Та взяла персик и убежала к маме. Потом она снова оглянулась на старуху и ушла.

– Что это с ней? – спросила женщину одна из туристок, вышедшая вслед за ней.

– Не знаю... Ты видела, как она смотрела на нее? Прямо в глаза! А ведь это впервые... – задумчиво ответила мать.

Автобус, заполненный разморенными обедом и дегустацией туристами, отъезжает. У окна сидит девочка, прижимающая к груди большой персик.

В саду, провожая глазами автобус, стоит одинокая и древняя, как эта земля, старуха. Она будет стоять здесь всегда: через год, через сто лет, через тысячу...

ПРО ВАСЮ

Вася был крут. Вася был велик.

По крайней мере, он сам так про себя думал. С тех пор, как под нажимом еврейской мамы написал диссертацию и из категории «встань наконец с дивана, ленивая скотина!» перешел в категорию молодых преподавателей одного из московских вузов.

От мамы Вася унаследовал черные глаза с поволокой, а от «паспортного» папы (выбранного мамой ради фамилии) – леность и рыхлость. Впрочем, для студенток гуманитарного вуза с эстрогенной интоксикацией и рыхлый Вася был лирическим героем романа. В пандан к глазам он отпустил демоническую бородку и стал плести паутину для зазевавшихся мушек-цокушек.

По теории Васи, красавицы были тупиковой ветвью цивилизации. Им негоже было опускаться до уровня домохозяйки и мамыши. При слове «мамаша» он представлял свою маму, *положившую свою молодость и красоту на алтарь воспитания гениального сына*. Хотя на фотографиях в толстом альбоме красоту мамы заметить было сложно. Разве что глаза, щедро переданные Вале, и выделялись на строгом лице с выдвинутым вперед подбородком... Да, мама и характером пошла в Габсбургов. И нехватку короны щедро вымещала на добродушном и ленивом «паспортном» муже.

Вася перебирал своих мушек тщательно, но замуж отпускал охотно, без тени ревности наблюдая за тем, как они беременели, расплывались и от бессонных ночей теряли живость и блеск глаз, которыми так преданно смотрели на Васю в период недолгого ухаживания и вялого романа.

Самые красивые приходили в институт уже с ухажерами, равняться на которых Вале было «стрёмно». И он с завистью провожал глазами их стройные фигуры, исчезающие в темных недрах внедорожников.

Он представлял рядом с собой красавицу, посвятившую свою жизнь его неопределённому таланту. (То, что он талантлив, Вася слышал с детства от мамы. Но в чем, пока не понял.)

Шли годы, Вася становился рыхлее, постепенно в глазах мамы вновь переходя в категорию «встань с дивана, ленивая скотина!», что означало – пора подумать о докторской.

И тут в институте появилась Нина.

Нина была красива. Большие темные глаза и густая коса. Стройный стан и выдающиеся формы. Что неудивительно, так как Нина была грузинкой, правда, тоже с «паспортной» фамилией. Но эта фамилия никак не сказалась на восточном воспитании Нины. Папа – грузин, взявший фамилию жены, – был лют и строго чтит традиции воспитания девочек. Именно поэтому Нина, не познавшая школьных увлечений, попала прямо в лапы уже усталого, но алчного Васи.

А Вася забыл, что с грузинкой нельзя крутить любовь, на ней непременно нужно жениться.

Мама, уже отчаявшаяся увидеть внуков, с радостью согласилась на грузинку. Восточное воспитание компенсировало отсутствие еврейской крови. Хотя своим родственникам она представляла Нину родню грузинскими евреями.

Вася свою женитьбу воспринял как индульгенцию от докторской и смирился. Тем более что сроки поджимали, и объяснить беременность неопытной Нины ее отцу преждевременными родами было бы сложно.

Так великий Вася стал обычным толстым лысеющим дядькой с тусклыми глазами, парой детей, которых мама Васи терзала на предмет выявления гениальности, и расплывшейся от беременностей и домашних забот женой.

Ему оставалось лишь сокрушаться, что в «этой стране» не ценят таких, как он, – талантливых и великих. И зарплата маленькая.

P.S. Вася – вымышленный персонаж, и его сходство с кем-либо случайно и зависит от вашей фантазии.

ПЕСНЯ СЕНТЯБРЯ

Автобус был переполнен. Люди сидели, стояли и висели в вынужденных позах, стараясь не касаться друг друга. Жара вырисовывала влажные узоры на их одежде, тела щедро отдавали излишнее тепло и запахи пота.

Перегруженный автобус лениво полз по загородной трассе, не защищенный ни тенью деревьев, ни облаками от палящего сентябрьского солнца. Обстановка в салоне была угнетаю-

щей. Казалось, достаточно искры, чтобы вспыхнул настоящий пожар. Люди, что стояли, уже усталые от дороги и жары, ревниво озирались на занявших сидячие места. Хотя и те, услужливо взяв на колени тяжелые сумки стоящих и накрепко приклеившись к дерматиновому сиденью жарой и тяжестью, чувствовали себя не слишком уютно...

Казалось, дороге не будет конца.

На сиденье, стоявшем против движения автобуса, сидела юная девушка в легком сарафане до пят. Казалось, она окружена сферой, куда не проникали ни звуки, ни настроение окружающих, ни даже жара. Ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Рядом, взяв ее за руку, сидела пожилая женщина – очевидно, бабушка.

Грузная женщина, обливающаяся потом, не сдержалась.

– Деточка, ты бы уступила место пожилым! – сказала она. Скорее, чтобы выплеснуть раздражение, потому что стоящих стариков в окружении и не наблюдалось.

Девушка повернула к ней улыбающееся лицо: крупный нос, большие глаза, обрамленные густыми ресницами и трогательными завитушками от собранных в косу волос.

Вместо нее ответила бабушка:

– Она не может. Если вам трудно, то садитесь на мое место», – и привстала.

Тут толстушке стало неудобно:

– Нет, нет, майрик¹, что вы, я постою! Просто думаю: что же это за непорядок – молодежь расселась! Я же не знала!

Девушка как будто и не заметила перепалки – ее глаза были полны мечтательного ожидания, на губах трепетала тень улыбки.

– На конкурс едем... конкурс вокалистов. Впервые. Не думала, что так жарко будет. Весь сарафан измяли, – с сожалением сказала бабушка.

– А, так вы в нашу новую музыкальную школу? – подхватила соседка напротив. – Какую школу построили – даже орган есть! Учителя из Еревана аж едут!

Жители провинциального города одобрительно закивали головами.

– А что ты будешь петь, дочка?

– «Сарери овин», – улыбнулась девушка.

– Любимая песня моей мамы! – всплеснула руками женщина. – Охорми² ее душу! – и вытерла слезу.

Девушка запела. Голос ее, высокий и свежий, словно дуновение ветерка, поднялся под крышей и разлился по всему автобусу.

Пассажиры повернулись к источнику чуда, не осознавая, что же произошло в мгновение ока. Перед ними были не пустынные пейзажи пригородного шоссе, а древние горы, чьи вершины трепал прохладный ветер. Он подхватил слова тоски по утерянной любви и погнал дальше и дальше, унося с собой запахи цветов и полей, городов и морей – к тому, кому предназначались эти слова, оставляя после себя покой и слезы освобождения. Не было больше жары, раздражения, усталости. Только сладкая грусть и мысли о своем, глубоком...

Автобус остановился. Девушка привстала, и тут стало заметно, что она хромот. Старушка в полной тишине пыталась пробиться к выходу. Но тут ее внучку подхватили на руки и бережно, словно фарфоровую вазу, передавая из рук в руки, спустили из автобуса и поставили напротив перехода.

– Майрик, может, мы проводим вас? – молодые люди окружили их.

– Чего спрашиваете?.. Проводите, я подожду! – буркнул водитель.

Пассажиры покорно стояли в автобусе под палящим солнцем и наблюдали, как бережно ребята довели бабушку с внучкой, и бегом возвращались обратно, в насквозь промокших рубашках.

– Ай мард³, что вы за люди! Даже не похлопали девочке, – возмутился старик, стоящий у средней двери.

Народ зааплодировал и замахал руками стоящей у дверей школы паре.

Автобус отъехал.

– Ну, Нунош-джан, свой конкурс, считай, ты уже выиграла, – улыбнулась бабушка. – Пойдем уже, жарко, – и пропустила ее в дверь школы.

¹ **Майрик** – матушка, вежливое обращение к пожилой женщине.

² **Охорми** – помилуй Господь.

³ **Ай мард!** – восклицание, обращение к людям.

КРОКОДИЛА

Кличка пристала ей от соседского мальчишки. Сама Маргарита считала себя красавицей. И, наверняка, была ею когда-то. Но в возрасте, когда другие красавицы выходят на пенсию и нянчат внуков, она ярко красила губы, и надевала ботфорты с мини-юбкой.

Соседи похихикивали ей вслед, но в целом относились спокойно. При всей своей чудакватости была она дружелюбна – то за лекарством для одинокой старушки сбегает, то с собакой больного жильца сверху погуляет. А на праздники готовила угощение и зазывала в гости. Но ходили к ней неохотно: все-таки она была слишком странной.

Куда Крокодила уходила по утрам и где была до вечера, никто не знал. Кем она могла работать в такой одежде и с вызывающим макияжем?.. Ну не девушкой по вызову же! Дома ее тоже редко кто навещал.

А по субботам и воскресеньям она пропадала на два дня. Непременно оставляла ключи у соседки – вдруг кто-то наведается, а ее нет. Но за все годы соседства к Крокодиле никто так и не наведалься.

Пока в одну из суббот в ее дверь не стал барабанить незнакомый мужчина. Соседка осторожно открыла дверь на цепочке:

– Вам кого, молодой человек?

– А Рита дома?

Соседка так привыкла к ее прозвищу, что минуты три раздумывала, о ком это он.

– Да, здесь. Но ее нет. Она уехала.

– А... значит, в деревне.

Соседка заинтересовалась.

– А вы кто ей будете?

– Сын.

– Сы-ы-ын? – соседка внимательно оглядела крупную фигуру в модном тренкоте и опустила глаза на дорожную сумку у ног.

– Где же ты был все это время, сын?

– В Париже. Я там живу.

Соседка еще более подозрительно взгляделась в непрошеного гостя. Вполне красив, ухожен, лет за тридцать. Вполне может быть, что и из Парижа.

– А чем докажешь?

– А почему я должен вам доказывать? – усмехнулся незнакомец.

– А потому! – уперла руки в бока соседка – Потому, что она мне ключ оставила. Но я же не знаю, кто ты: сын – не сын. Может, ты ограбить ее решил!

– Ага, ограбить. Поэтому стучу в дверь, чтобы все соседи об этом узнали.

Мужчина взял дорожную сумку и двинулся к лестнице.

– Стой! погоди! Эй, сын! Ты куда?

– В гостиницу, куда ж еще?

– Какая гостиница?.. Мать тебе ключи оставила, а ты в гостиницу?.. Ну иди, открою, так и быть.

Соседка исчезла на минуту, потом явилась с ключами, открыла дверь и бесцеремонно вошла первой. Как же можно было упустить такой шанс? Лет десять никого у Крокодилы не было, а тут – парижский сын, деревня какая-то... Надо было разобраться.

– Ну садись, сын, я тебе чаю поставлю.

– Спасибо, не нужно. Я устал, хочу принять душ и отдохнуть. А мама не сказала, когда вернется?

– Ну знамо, когда, в воскресенье вечером. Ей же в понедельник надо...

Соседка осеклась. Куда Крокодиле надо в понедельник, разодевшись в мини-юбку и блузку с дырочками, раскрасив рот лиловой помадой, взбив седые с синими прядями волосы и на высоченных каблуках? На панель?.. Сыну-то не скажешь!

– А, так она все еще ходит в больницу?

Соседка аж присела и благоразумно решила промолчать. Но пауза затянулась, и, похоже, ей указывали на дверь. Тогда она решилась.

– А чего это она каждый день в больницу-то ездит?

– А вы не знаете?..

– Ну, я знаю, конечно, но мне неудобно спрашивать.

Сын усмехнулся:

– А сейчас удобно?

– Ну дык не ее же спрашиваю, – захихикала соседка.

– Волонтером она там. С тех пор, как бабушка умерла там от онкологии, так и ходит. Уже лет десять.

– А чего это ты ее с собой в Париж не заберешь, а, сын? – не без труда переварив такую информацию, полюбопытствовала соседка.

– Я бы забрал. А кто за дедом в деревне будет ухаживать? Он, конечно, справляется, но мама ему помогает. Вот к нему и поехала, скорее всего.

Сын открыл дверь, явно приглашая соседку на выход.

Но женщине и самой уже не терпелось поделиться потрясающими новостями с другими. Дверь за ней закрылась.

Пару минут она стояла, раздумывая, к кому же пойти в первую очередь. Потом двинулась на верхний этаж.

– Вот тебе и Крокодила...

МАМИНА ДОЧКА

- Гоарик, плохая девочка! Разве можно так поступать с мамой?
– Ну что, мам?
– Что значит «что»?.. Ты хочешь инфаркта для меня? Разве так можно? На дворе темень, а тебя нет! Что я могла подумать?..
– Да не думай, ложись спать.
– Нахалка! Говорил мне отец, что ты вздорная растешь! Хорошо, что он этого не видит! –
Из глаз матери с готовностью вытекли две слезы.

– Да мам, не расстраивайся. Ну подумаешь, чуть позже вернулась! На работе отмечали Светин день рождения. Я тебя предупреждала, что задержусь.

– «Задержусь»? – вскрикивает мать. – На дворе темень!

– Мам, ну сейчас рано темнеет. Ты на часы смотрела?

– Принеси тонометр! Давление, небось, опять подскочило из-за тебя...

Гоарик приносит тонометр и привычными движениями надевает манжетку. Другой рукой вытирает застывшие слезы матери.

– Вот видишь, 140 на 100 – твое обычное давление!

Та сдается на минутку.

– Ты думаешь о том, что соседи подумают?

– Да что соседи подумают?.. Кому это интересно?

– Незамужняя, и затемно возвращается – что они могут подумать?

– Что я гуляющая? – усмехается Гоарик.

Ее уже достал этот цирк. Давно. Но мать жалко.

– Дай-ка, я мусор вынесу.

– Нельзя мусор на ночь глядя!

– Ма-а-ам! Жарко, утром будет вонять, дай!

Обойдя молчаливую фигуру матери, женщина направляется в идеально убранную кухню, берет ведро и молча выходит из квартиры. Мать бросается к окну и смотрит, как грузная фигура пожилой дочери в стоптанных тапках направляется к контейнеру. Седые волосы треплет откуда-то взявшийся ветер...

НА МАСЛОВКЕ

Борис Яковлевич был нашим соседом в доме художников. Он был из тех тихих сумасшедших, которые живут в своем мире, никому не мешая.

За все время нашего знакомства – а оно длилось несколько лет – я встречала его лишь пару-тройку раз: на общей площадке в доме, где мы снимали квартиру. Но колоритность этого персонажа и места, где мы жили, стоит рассказа.

Все началось с того, что хозяева квартиры, которую мы снимали на Водном, стали бесцеремонно вторгаться в нее без предупреждения, а часто и в наше отсутствие. Перед Новым годом, когда финансы и так «пели романсы», они к тому же резко подняли арендную плату. С этим надо было что-то делать.

Но попробуй найти в Москве квартиру в аренду! Особенно если на дворе 90-е, у тебя есть ребенок, и твоя внешность не оставляет сомнений в принадлежности к категории «лица кавказской национальности».

Благо, на работе меня квалифицировали как «армяночку, к которой стоит записываться». Поэтому я стала искать квартиру среди своих пациентов. А так как поликлиника, где я трудилась врачом, принадлежала Союзу художников, то и пациенты мои были людьми искусства. И проживали, и работали они на пяточке между Верхней и Нижней Масловкой.

Во дворах, кроме поликлиники, находился детский сад, куда я определила ребенка. Если бы мы нашли там квартиру, это избавило бы меня от необходимости будить сына на час раньше и затемно таскать его с собой на метро и трамвае из Водного.

Искать пришлось долго: художники побогаче к тому времени перебрались в Парижи и Берлины, а те, кто победней, не имели возможности как-то изменить свои жилищные условия, чтобы сдавать квартиру.

Однажды на приеме ко мне обратилась одна из пациенток, художница *С. Н.*, и сообщила, что после смерти мамы ей досталась квартира, которую она готова мне сдать за весьма разумные деньги.

В этот день я летела домой после работы на белоснежных крыльях надежды!

На следующий день *С. Н.* сообщила, что планы изменились, и там будет жить ее сын. В течение нескольких месяцев она обещала и передумывала несколько раз, пока мы, отчаявшись найти квартиру в этом районе, уже искали где угодно, лишь бы избавиться от назойливых хозяев.

Наконец художница повела нас с мужем смотреть квартиру. Радость от надежды на скорое переселение сменилась разочарованием. Жилье в доме постройки 30-х годов выглядело обычным наркоманским притоном. Нам уже пришлось ремонтировать пару квартир, но то, что предстало нашим глазам, невозможно было даже назвать жилищем.

Требовался капитальный ремонт, который мы осилить не смогли бы. Среди толстого слоя грязи и песка на полу валялись использованные шприцы и презервативы. Остатки плитки в ванной падали при легком прикосновении, толщина грязи на кухне не позволяла разглядеть цвет обоев. К этому великолепию прилагалась дешевая «совковая» мебель, из которой сравнительно целыми были только стол, тумба-подставка для телевизора и пара стульев. То есть, опираться на них можно было без риска обрушения.

Увидев наши разочарованные лица, *С. Н.* тут же пообещала, что половину расходов на ремонт мы покроем за счет арендной платы.

Мы, молодые романтики, тут же представили, как всё почистим, обставим, и согласились. Нашли мастера, купили краску, обои, вооружились вениками и лопатами и принялись за дело.

После того как работа началась, с художницей вдруг случился «приступ амнезии», и она напрочь забыла об обещании поделить расходы. По окончании дебатов на эту тему художница милостиво сообщила, что у нее есть знакомый мастер, и она за свой счет сделает циклевку и покрытие полов лаком (паркет был густо-серого цвета, местами переходящего в черный).

Деваться было некуда: материалы куплены, мастер сдирает закопченные обои. А с паршивой овцы хоть шерсти клок. Мы решили остаться.

При попытке выправить укрепленную под 45 градусами раковину в ванной обрушилась стена, и оттуда вылезла морда соседского кота. Потом кот перелез через дыру и с удивлением уставился на наши не менее удивленные кавказские лица. Животное надо было возвращать хозяину. Перелезть через дыру было как-то не комильфо – мы же не коты, в конце концов. Пришлось позвонить в соседскую дверь.

Так мы с ним и познакомились. Говорили, что Борис Яковлевич был сыном некоего художника. Талант от отца передался ему в весьма причудливой форме. Его дизайнерская мысль не поддавалась воображению средних умов. Все стены в квартире были сломаны. Общее пространство жилища украшали одиноко стоящие унитаз, ржавая ванна и плита. Стены были окрашены зеленой, которую живописно украшали снующие туда-сюда тараканы.

Борис Яковлевич философски отнесся к появлению дыры в своей квартире и пообещал, что как только мы ее заделаем, он тут же закрасит ее зеленой. Забрав кота, он закрыл за нами дверь.

Муж, впечатленный тараканьей демографией в отдельно взятой московской квартире, и памятуя о величине дыры, через которую они могли эмигрировать к нам, заделал дыру через десять минут после возвращения от соседа.

И вот ремонт, высосав из нас все заработанные деньги, приближался к концу. Мы побелили потолки и сообщили хозяйке квартиры о том, что пришла пора заняться полами. А сами стали выискивать объявления о б/у мебели.

С. Н. заявила к нам в гости, осмотрелась и сообщила, что мы нарушили все договоренности. Ведь до того, как мы начали ремонт, на паркете не было следов краски. А сейчас они есть. Все это автоматически, по ее мнению, снимало с нее обязательства по приведению полов в порядок.

– Позвольте, – попробовала возразить я, – но ведь они испачкались потому, что мы красили ВАШ потолок, а не привезенный нами из старой квартиры!

– Но вы могли покрыть паркет целлофаном! – возмутилась дама, полы которой до этого были покрыты песком и грязью. – Аккуратнее нужно было быть! – пожурила она нас и ушла, оставив в раздумьях по поводу новых расходов.

Мастер, которому мы задолжали за все предыдущие работы, привел друга с циклевочной машиной. Эта машина подъела остатки денежных средств, и на лак их не осталось от слова «совсем». (Потом я буду вечно их мазать мастикой вручную. Да-да, была такая паста в прозрачных тюбиках, которую нужно было выдавливать на чистый паркет и тереть до впитывания, а потом до блеска.)

Через пару месяцев лихорадочной работы и поиска мебели, занавесок и прочего добра, квартира была готова к проживанию.

Муж, помня о возможности вторжения тараканьей орды, вызвал дезинсекторов, моя медсестра помогла убраться после ремонта, и мы, обессиленные, но почти счастливые, заселились наконец в новое жилище.

Насчет толщины стен между квартирами не оставалось никаких иллюзий. Но нам повезло в том, что общими с Борисом Яковлевичем были лишь стены на кухне, в ванной и в туалете. Можно было, сидя за кухонным столом, слышать, как за стеной перебирают ножками соседские тараканы.

Судя по всему, после обработки нашей квартиры насекомых стало гораздо больше. А так как Борис Яковлевич каждый день разговаривал по телефону с человеком, у которого были проблемы со слухом, то мы вскоре узнали, что он не рад своим питомцам. Более того, он их *пытается выводить*.

– Но слышь! – кричал он в трубку. – У меня соседи такие свиньи! Я их, этих проклятых тараканов, вывожу-вывожу, а от них идут и идут!

Вот так, только переселившись, мы и узнали, какое реноме заработали у соседей за столь короткий срок.

Каждое утро Борис Яковлевич включал телевизор, и все гигиенические процедуры и завтрак мы принимали под залихватские проповеди заморских телепроповедников. Через некоторое время мы уже настолько к ним привыкли, что воспринимали эти передачи как фоновый шум.

До тех пор, пока к нам не приехал Гость.

Гость долго летел из США, а потом по московским пробкам добирался до нашей квартиры. Вследствие вынужденного сидения у него обострились некоторые кишечные проблемы, которыми он страдал долгие годы. После приветственного ужина мы уложили Гостя спать. Под утро он с ужасом понял, что ему предстоят полчаса пыток на унитазе, и с осознанием неизбежности побрел в туалет.

Через некоторое время, когда Гость, покрытый холодным потом от боли, омывал слезами каждый пароксизм своего организма, Борис Яковлевич по привычке включил телик.

– Господь да поможет тебе, сын мой! – раздался трубный голос откуда-то сзади и сверху.

Гость от страха за мгновение закончил свои скорбные дела и выпал из туалета. В чувство его привели алкогольные остатки вчерашнего ужина.

На следующее утро в туалет он уже шел бодрым шагом, уповая на Божью помощь и рабочее состояние ветхого телевизора Бориса Яковлевича.

Через полгода Гость переехал в Москву на ПМЖ.

Казалось, жизнь начала налаживаться. Дом, работа и детский сад находились на расстоянии пяти минут пешего хода. Если бы в этот момент поликлиника Худфонда, возглавляемая главным врачом – всемогущим Лазарем Бразом, – не рухнула в банкротство, как большинство тогдашних банков.

Пришлось мне искать другую работу.

Однако поликлиника стоит отдельного упоминания, поэтому я расскажу о ней подробнее.

Итак, в поликлинику Худфонда я попала по протекции родственника. Что не мешало господину Бразу время от времени намекать, что долг платежом красен. Намеки на дорогой армянский коньяк я игнорировала – вследствие того, что возможности купить его у меня не было.

В поликлинике царил дух небольшой сумасшедшинки, так как лечились там люди весьма неординарные. Причем зажигали не только пациенты, но и медперсонал. Наше медучреждение, в связи с апокалипсисом и разрушением привычных идеалов марксизма-ленинизма, сдавала помещения всяким проходимцам, под вывеской «клиника».

Одна из таких «клиник» обещала увеличение размера груди. Всё ее оборудование, располагавшееся в кабинете 10 на 6 метров, состояло из вакуумного аспиратора в форме полушария. Аспиратор накладывался на грудную железу и под действием вакуума «увеличивал» грудь доверчивой клиентки.

Несмотря на доходы с аренды, поликлиника практически нищенствовала. Не было ни нормального оборудования, ни инструментария, ни материалов. Пациенты привычно жаловались, и после каждой жалобы в кабинет врвалась заместитель главврача и толкала спич о том, что «врач – такой же обслуживающий персонал, как и парикмахер», и что клиент должен быть доволен. Правда, как и чем удовлетворить клиента, зам не уточняла.

Медсестра Валя, полная, с трудом застегнутым халатом на голое тело, стояла в позе «цигель-цигель ай лю-лю» в проеме двери и четко следила за очередью к врачу. Очередь – святое дело для советского человека – должна была соблюдаться безукоризненно. Объявление на двери кабинета, гласящее, что «участники ВОВ обслуживаются без очереди» без надзора Вали приводила к дракам между участниками с применением тупого оружия в виде костылей. Как только врач освобождалась, Валя звала очередного пациента, томно вызволяя его из очереди протяжным «женщина-а-а» или «муш-щ-щина-а-а».

Заведующая, повидавшая жизнь еврейка, говорившая исключительно матом, однажды здорово меня выручила от нагоняя зам. главврача. Не дождавшись последней пациентки, я скинула халат и засобиралась домой. В коридоре на меня накинулась сама опоздавшая и, открыв дверь в кабинет, заголосила: «Что это творится-аа, я прихожу, а врач ваш ухо-о-оди-и-ит! Понаехали-и-и! Дайте мне русского врача, я не буду лечиться у армянки». Я вспыхнула и заявила, что я и не собираюсь ее лечить, так как я армянка, хлопнула дверью и ушла.

По дороге мне стало стыдно, что я подставила заведующую, и я решила позвонить ей из дома и извиниться.

– Ты что, детка, впервые с этим столкнулась?.. Ха! Да я живу всю жизнь с этим. Не переживай. Я открыла ей кабинет и сказала: «У нас есть еще казахский и литовский врач. И я – еврейка, – выбирайте. Русских врачей сегодня еще не завезли».

Скорее всего, заведующая и приняла скандалистку, так как больше я эту пациентку не видела.

Тем не менее в целом наши художники были людьми благодарными и время от времени одаривали медицинский персонал то залежалой шоколадкой, то акварелью в собственном исполнении, то книжкой о себе, любимом.

Но медсестре из терапевтического отделения повезло больше всех. Катя была стройной женщиной с длинной копной рыжевато-коричневых волос и легким безумием в глазах. Очередной воздыхатель – из большого числа желающих написать ее в стиле *ню* – подарил ей некое изделие китайской текстильной промышленности, которое напоминало гипюровые колготки, но надевалось на все тело (что-то вроде боди-комбинезона). Свободной от всего этого великолепия оставалась лишь голова и та часть, которой интересовался даритель. Там ткань немного расходилась и вновь соединялась на уровне копчика.

Недолго думая, Катя скинула с себя всю одежду, включая трусы, надела гипюровое изделие, а сверху белый халат и пошла по кабинетам, демонстрируя щедрость своего поклонника. Особенно ее впечатляло, как изящно расходятся швы у того места, которым она собиралась отблагодарить поклонника за столь роскошный подарок...

Жизнь в поликлинике была ключом до того момента, когда в здание ворвался ОМОН в полной амуниции и закрыл ее за долги. Оказалось, что Браз Великолепный был обыкновенным воругой. Мало того, что он присваивал все деньги за аренду, так еще ухитрился годами не платить за электричество и другие коммунальные услуги.

Итак, я неожиданно для себя лишилась работы. Как раз тогда, когда казалось, что в жизни наступила некоторая стабильность. Все документы остались в поликлинике, здание которой было опечатано, сотрудники бросились врассыпную – никто ничего не понимал.

В частную клинику, расположенную в районе Юго-Западной, меня взяли на работу с испытательным сроком. За это время я должна была добыть свою трудовую книжку, затерявшуюся в недрах опечатанной поликлиники.

На работу приходилось ехать минут 45 на метро, а потом полчаса идти пешком. Осенью, когда я попала туда, это было даже приятно, но зимой, в метель, после целого дня напряженного труда, возвращаться домой уже не было сил.

А ведь нужно было еще успеть забежать в детский сад за сыном, который теперь находился тоже не близко, потому что с сентября его перевели в старшую группу в другом здании. Однажды пришлось задержаться с пациентом, и я пришла в сад, когда всех детей уже разобрали и мой ребенок сидел один с воспитательницей. Хотя официально рабочий день еще не закончился, она устроила мне выволочку и объявила, что в следующий раз, если я опоздаю, она вызовет милицию и отдаст мальчика им.

Эх, мне бы тогда сегодняшние мозги! С высоты своего возраста я теперь понимаю, как хамски и жестоко обращались с моим сыном в том саду. До сих пор вспоминаю эту воспитательницу – Людмилу Петровну, которая довела ребенка до нервного срыва. Пусть ей икается всю жизнь!

Но тогда я могла только рыдать, как дурочка. От безысходности. Потому что отказаться от сада мы не имели возможности.

И здесь мне тоже вспоминается врач детского сада, пожилая еврейка, благодаря поддержке которой я не свихнулась. Как тактично она раздуливала конфликтные ситуации, не подставляя сотрудников сада и успокаивая меня надеждой на то, что в трудностях закаляется характер человека! А ведь она в ту пору потеряла 35-летнего сына... Ее, скорее всего, уже нет в живых – она уже тогда была женщиной весьма почтенного возраста. Пусть это воспоминание станет благодарностью ей за то, что она тогда сделала для нас...

Но я забежала вперед и не рассказала, как раздобыла свою трудовую книжку.

К тому времени Браз благоразумно скончался от инфаркта, что избавило его от суда и следствия. После того как я, обзвонив всех сотрудников поликлиники, вышла на заместителя главврача, та сообщила, что моя трудовая находится у вдовы Браза и дала ее номер телефона.

Я, обрадованная скорым разрешением проблемы, позвонила ей, представилась и попросила отдать мои документы. Достойная своего мужа вдова без зазрения совести назвала сумму, за которую она вернет мне мою же трудовую книжку. То бишь, продаст. Я решила, что обойдусь без нее и отказалась.

Но приближался конец моего испытательного срока в клинике, и муж решил все-таки выкупить мои документы. Прижимая купюры к груди, вдова клятвенно обещала, что на эти деньги осыплет могилу мужа цветами. Что, как вы понимаете, не утешило меня в ситуации финансового цейтнота, в котором мы тогда находились...

– Доброе утро, Наира Григорьевна! Это Борис Яковлевич, ваш сосед! Поздравляю вас с Новым годом! Желаю вам всего наилучшего!

На часах восемь утра, на календаре – 1 января.

31 декабря я отработала полную смену и еле улизнула с новогоднего застолья в клинике, чтобы успеть хоть что-то сделать дома. Гости ушли около трех ночи...

– Спасибо, Борис Яковлевич... Я вас тоже поздравляю. Всего вам наилучшего, – бормочу я в трубку и бреду досыпать.

Через некоторое время – снова телефонный звонок. Разлепляю глаза и вижу на часах 10:00.

Еще более бодрым голосом:

– Доброе УТРО, Наира ГРИГОРЬЕВНА! Поздравляю ВАС с Новым ГОДОМ! Всего вам НАИЛУЧШЕГО!

Через два часа в трубке слышится еще более воодушевленное сообщение:

– ДОБРОЕ УТРО, НАИРА ГРИГОРЬЕВНА! Я ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С НОВЫМ ГОДОМ!

И так раз пять еще в течение дня.

(Точно так же Борис Яковлевич будет поздравлять меня и с 8 Марта, и с 9 Мая, и со всеми другими праздниками. Непременно с раннего утра, с семикратным повторением –закрепляя материал для особо тупых соседей. Милый старик!)

Однако звонки соседа возвращают меня к реальности. У ребенка каникулы в саду, а я не смогу не выйти на работу – это вам не поликлиника Худфонда. Перебираю варианты: сказать больная, например. Нет, шито белыми нитками. А если «ребенок заболел»? Не годится. Во-первых, я суеверна и никогда не скажу про своего сына, что он заболел, когда он – тьфу-тьфу! – здоров. Во-вторых, руководству частной клиники глубоко безразличен твой ребенок. Если ты стоишь в графике, то только апокалипсис считается уважительной причиной.

И тут мне в голову приходит милая старушка Анна Васильевна, которая работала у нас в Худфонде санитаркой. У меня с ней были отличные отношения. Только я поздравляла ее с праздниками и, вопреки субординации, относилась к ней просто как к пожилому человеку, а не как к уборщице.

Анна Васильевна обрадовалась, услышав мой голос в телефоне, и с радостью согласилась «посидеть с милым мальчиком». Так у меня появилась няня на подхвате, которая покорно играла все второстепенные роли в постановках моего сына. В главных ролях, разумеется, всегда был он. Мне пришлось сшить ему плащ из старой юбки и купить меч со щитом. Роль коня неизменно принадлежала швабре.

Единственным недостатком Анны Васильевны было то, что она так и не научилась гладить утюгом с паром. Хотя я ее не просила брать на себя домашние заботы, но сидеть без дела после очередного спектакля ей было скучно. Чтобы увлажнить сухие вещи, она неизменно набирала полный рот воды и брызгала ею на рубашки моего мужа...

Жизнь опять стала более или менее налаживаться. Но впереди было еще немало сюрпризов и забот. И даже приключений...

Через год мы переехали с Нижней Масловки.

Художница С. Н., когда мы решили выехать из ее квартиры (в связи с грядущим пополнением в семье и необходимостью расширить жизненное пространство), умоляла нас остаться. Даже бесплатно.

Все-таки мы с ней здорово подружились к тому времени.

ИДУЩИЙ СЛЕДОМ

Зима началась рано. Значит, запасенных дров могло не хватить. Поэтому старуха на ночь не растапливала печь, а просто поверх одеяла накидывала старый мужнин овечий тулуп.

По утрам вставать из теплой постели не хотелось. Но она знала, что мальчики ждут ее. Ждут каждый день. Поэтому разлеживаться под толстым, тяжелым одеялом было недосуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.